

В 1910 году в Мюнхене вышла книжка, которая называлась "Огненный ангел" и о которой мгновенно заговорила вся Германия. Это была, как предвиделось на первой же странице, "правдивая повесть, в которой рассказывается о дьяволе, не раз являвшемся в образе светлого духа одной девушке и соблазвившем ее..."

Откликов на "правдивую повесть" была масса, причем не только в Германии, но и в России, где она, между прочим, появилась тремя годами раньше в переводе Валерия Брюсова. И уже с русского была вновь переложена на немецкий, поскольку оригиналом мюнхенские издатели не располагали.

А может быть, такового попросту не существовало? Но тогда следовало признать, что все это — грандиозная мистификация и что автор ее жил не в шестнадцатом веке, когда на немецкой земле разворачивается действие "Огненного ангела", а в двадцатом, и не в Германии, а в России, где это удивительное сочинение впервые увидело свет.

Да, роман "Огненный ангел" — роман русского происхождения. Но это еще не самое удивительное. Самое удивительное заключается в том, что книга, созданная в двадцатом веке и повествующая о веке шестнадцатом, и впрямь писалась, как сказано автором в так называемом "предисловии к русскому изданию", "непосредственно после пережитых событий". Более того! Предваряющее текст пространное посвящение "не кому-либо из знаменитых людей, прославленных в искусствах или науках, но тебе, женщина светлая, безумная, несчастная, которая возлюбила много и от любви погибла", — торжественное посвящение это адресовалось реальной женщине, которая и впрямь погибла от любви, только случилось это несколько позже. Она успела прочитать роман, узнала себя в нем, написала о его авторе воспоминания, до сих пор, к сожалению, полностью не опубликованные, и в ночь с 22 на 23 февраля 1928 года открыла газовый краник в своей убогой парижской квартире. После чего легла на застеленную белоснежной простыней тахту, закрыла глаза и стала ждать своего смертного часа. Утром ее нашли бездыханной.

Примерно так же ведет себя в "Огненном ангеле" списанная с нее героиня. Там, правда, дело происходит не в Париже, а в Германии, и не в квартире, а в подвале средневекового монастыря, куда бедняжку упрятывают за шашки с дьяволом, но смерть тем не менее она принимает добровольно.

Автора, скромно выдававшего себя за переводчика, к тому времени уже не было в живых: Брюсов, который и себя тоже запечатлел в "Огненном ангеле", умер в 1924 году. "Инквизитор от литературы, схема, картонный манекен, начетчик, маг, волхв, звездочет, "одержимый", маниак честолюбия и величия, в общении человек трудный и тяжелый, ядовитый, колющий, как игла", — приводит общепринятое мнение о нем та, кого Брюсов вывел в "Огненном ангеле" под именем Рената. Приводит, дабы мнение это опровергнуть. Уж кто-кто, а она, Нина Ивановна Петровская, лучше, чем кто-либо, знала "поэта мрамора и бронзы". (Так называлась одна из статей о Брюсове.)

Брюсов посвятил Петровской не только роман — в письмах к ней он прямо называет "Огненного ангела" "твоим романом", — но и множество стихов.

*Черты твои — детские;
скрытые;
Закрты стыдливо виски,
Но смотрят так странно,
бездонные,
Большие зрачки.*

Стихотворение называется "Портрет", но это не единственный портрет Нины Петровской, сохранились и другие, набросанные рукой куда более жесткой.

"... Худенькая, небольшого роста, она производила впечатление угловатой: с узенькими плечами, она казалась тяжеловатой, с дефектом: какая-то квадратная и слишком для росточку большая, тяжелая голова, казавшаяся нелепо построенной; слишком длинная, слишком низкая талия; и

слишком короткие для такой талии ноги... Она взбивала двумя руками свои зловещие черные волосы, отчего тяжелая ее голова казалась еще тяжелее и больше; но огромные карие, грустные, удивительные ее глаза проникали в душу сочувственно".

Кому принадлежит этот яркий, но слишком уж детализированный, слишком бесцеремонный портрет? Он набросан пером человека, который тоже выведен в "Огненном ангеле" и который,

Уроки любви

Труг. — 1995. — 21 мая — с. 5

РЕНАТА

Эта женщина умирала дважды:
сперва в романе Брюсова, потом — в реальности

собственно, им, то есть "ангелом", и является. Героиня, во всяком случае, принимает его за такового без колебаний.

Это поэт Андрей Белый. В своей мемуарной трилогии он подробно рассказывает о своих сложных любовных отношениях с Ниной Петровской, женой некоего Соколова, владельца издательства "Гриф", и о том, как его, Белого, место возле Нины занял исподволь коварный Брюсов.

Познакомилась она с Брюсовым в доме мужа, с которым тогда еще не порвала окончательно. Знаменитый поэт, вспоминала она впоследствии, "появился на одном из наших вечеров, очень сухой, корректный, выслушал несколько стихотворений, один мой рассказ (стыдно вспомнить, до чего плохой!), не высказал никаких суждений, любезно согласился остаться ужинать, прочел сам несколько вещей... и скрылся на полтора года".

Потом было несколько случайных и ни к чему не обязывающих встреч, решительная же состоялась 17 января 1904 года во время знаменитой премьеры "Вишневого сада", на которой, по словам Нины Ивановны, была "вся литературная и артистическая Москва".

Она приехала сюда не одна — с Андреем Белым. Места им достались не совсем удобные, где-то сбоку, но это ее кавалера не огорчило: он на подобные мелочи внимания не обращал. Но отсюда не следует, что он вообще ни на что не обращал внимания. В антракте, заметила вдруг та, кому в "Огненном ангеле" дадут имя Ренаты, он внезапно изменился. "Куда смотрел А. Белый с таким ужасом потемневшим синим взором?" — вопрошает несколько риторически мемуаристка.

Но Белый не просто смотрел, Белый бормотал невразумительное: "Ах, как это плохо, плохо, плохо!" — и лишь после настоящих требований своей спутницы объяснить, в чем дело, произнес трагическим тоном: "Валерий Брюсов!"

Тут наконец она и сама его увидела — в ложе, с биноклем, направленным прямо на нее. "Точно сквозняком откуда-то подуло. Не знаю почему, но сердце сжалось предчувствием близкого горя".

Но до конца так и не поняла, в чем дело; Андрей Белый, стало быть, углядел грядущие перемены гораздо раньше ее. Лишь потом, много позже, Нина Петровская признает: "В этот вечер неясно еще для меня Брюсов незримо вошел в мою жизнь, чтобы остаться в ней навсегда — вечно".

Она, небесталанная писательница, публиковавшаяся под псевдонимом Н.Останин, вообще была склонна к некоторой экзальтации слога. А впрочем, не только слога.

"Из жизни своей она воистину сделала бесконечный трепет... Лихорадочная погоня за эмоциями, безразлично за какими. Все "переживания" почитались благом, лишь бы их было много и они были сильны".

Так писал о Петровской после ее смерти поэт Ходасевич. Свой очерк он назвал "Конец Ренаты", и это не случайно. В сознании современников реальная женщина была не только неотделима от созданного Брюсовым образа, но, по существу, растворилась в нем.

А ведь роман был задуман еще до встречи с Петровской, но создавался практически одновременно с событиями, которые описывались в нем, гримируемые под немецкое средневековье.

Иными словами, она спасла его, живя погребенного, заваленного глыбами чудовищной эрудиции и льдинами, айсбергами иронии, вытаскала на свежий воздух, окропила живой водой, вложила в руку перо, и перо это стремительно побежало по бумаге, рождая вдохновенный шедевр, исполненный такой мрачной и такой поэтической, такой убедительной фантазии, что даже недоверчивые немцы приняли его за произведение неведомого средневекового гения, своего, разумеется, соотечественника. Но если в романе о старинных, со сводчатыми сырыми подвалами монастырях, о летающих ведьмах и кровожадной инквизиции фигурируют, как то и подобает средне-

вековью, клинки да кинжалы, то есть холодное оружие, то в реальности в ход было пущено — или почти пущено — оружие горячее: приличествующий двадцатому веку пистолет. Правда, произошла осечка.

Нажимала курок женщина. Целилась она при этом в Брюсова — да, да, в Валерия Яковлевича Брюсова, который собственно-ручно поведал об этой истории в одном из писем, причем без ужаса паники, а в свойственной ему иронической манере.

На публичной лекции Андрея Белого, рассказывает он, "подождала ко мне одна дама (имени ее не хочу называть), вынула вдруг из муфты браунинг, приставила мне к груди и спустила курок. Было это во время антракта, публички кругом было мало", но, как явствует из письма, кое-кто все же оказался рядом и обезоружил террористку.

История эта выглядит столь неправдоподобно, а тон, каким повествует о ней потенциальная жертва, столь элегичен, что невольно закрадывается подозрение: уж не разыгрывает ли фантазер Брюсов своего корреспондента?

Не разыгрывает. Герой вечера Андрей Белый (эта его достопамятная лекция в Политехническом музее состоялась 14 апреля 1907 года) тоже отводит в своих мемуарах данному эпизоду несколько строк и тоже, между прочим, не называет имени дамы, которая, утверждает он, первоначально хотела в него бабахнуть "и вдруг, переменяв намеренье, сделала попытку выстрелить в Брюсова".

Имя дамы раскрывает одна из свидетельниц едва не свершившегося кровопролития.

"Роман Нины Петровской с Брюсовым становился с каждым днем все трагичнее, — пишет она. — Нина грозила самоубийством, просила ей достать револьвер. И как ни странно, Брюсов ей его подарил. Но она не застрелилась, а, поспорив о чем-то с Брюсовым... выхватила револьвер из муфты, направила его на Брюсова и нажала курок".

Причина? Причина простая. "Огненный ангел" к тому времени был закончен, образ Ренаты, напитанный горячей кровью реальной женщины, обрел самостоятельную, теперь уже совершенно отдельную от своего создателя жизнь, были написаны стихи, где эта реальная женщина воспевалась (некоторые из них так и печатаются с ее именем, в других она позже снял посвящение), больше она ему не требовалась. Вот и выхватила пистолет... Вот и дурманила себя морфием... Вот и открыла в конце концов газовый краник: приняла добровольную смерть, уподобляясь списанной с нее героини.

Руслан КИРЕЕВ.